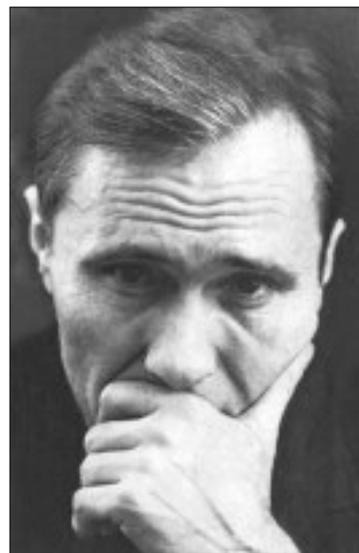

ВАСИЛИЙ МАКАРОВИЧ ШУКШИН (1929–1974)

Встреча с Василием Макаровичем Шукшиным на страницах «Народного образования» не случайна. Собирая по крупицам сочинения русских литераторов, обращавшихся к школьной проблематике, сохранивших для нас образы учителей, мы не могли пренебречь наследием замечательного писателя, кинорежиссёра, актёра. В одном из самых известных кинофильмов «Калина красная», в котором Шукшин выступил одновременно в качестве автора сценария, режиссёра и актёра, звучат хрестоматийные стихи Н.А. Некрасова – «Школьник». И в прозе Шукшина немало обращений к теме школы, учёбы – как к святыне. Пожалуй, ничто так не занимало писателя, как тяга русского человека к знанию, к расширению представлений о мире.

ЗАБУКСОВАЛ

Совхозный механик Роман Звягин любил после работы полежать на самодельном диване, послушать, как сын Валерка учит уроки. Роман заставлял сына учить вслух, даже задачи Валерка решал вслух.

— Давай, давай, раскачивай барабанные перепонки — дольше влезет, — говорил отец.

Особенно любил Роман уроки родной литературы. Тут мыслям было раздольно, вольно... Вспоминалась невозвратная молодость. Грустно становилось.

Однажды Роман лежал так на диване, курил и слушал. Валерка зубрил «Русь-тройку» из «Мёртвых душ».

— «Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несёшься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, всё отстаёт и остаётся позади. Остановился...» Нет, это не надо, — сказал сам себе Валерка. И дальше: — «Эх, кони, кони, — что за кони! Вихри ли сидят в ваших гривах? Чуткое ли ухо горит во всякой вашей жилке? Заслышали с вышины знакомую песню — дружно и разом напрягли медные груди и, почти не тронув копытами земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху, и мчится, вся вдохновенная богом!.. Русь, куда же несёшься ты? Дай ответ!.. Не даёт ответа. Чудным звоном заливается...»

— Не торопись, — посоветовал отец. — Чешешь, как... Вдумывайся! Слова-то вон какие хорошие.

Роман вспомнил, как сам он учил эту самую «Русь-тройку», таким же дуруломом валил, без всякого понятия, — лишь бы отбарабанить.

— Потом жалеть будешь....

— Кого жалеть?

— Что вот так учился — наплевательски. Пожалеешь, да поздно будет.

— Я же учу! Чего ты?

— С толком надо учить, а у тебя одна улица на уме. Куда она денется, твоя улица? Никуда она не денется. А время пропустишь...

— Хо-о, ты чего?

— Ничего, не хойкай — учи.

— А я что делаю?

— Повнимательней, говорю, надо, а не так!.. лишь бы отбрезаться.

Валерка подстегнул дальше свою «тройку», а Роман — опять за думы. И сладкие это думы, и в то же время какие-то... нерадостные. Половину жизни отшагал — и что? Так, глядишь, и вторую протопашешь — и ничегошеньки не случится. Роман даже взволновался — так вдруг ясно представилось, как он дотопает до конца ровной дорожки и... ляжет. Роман сел на диване. И очень даже просто — ляжешь и вытянешь ноги, как недавно вытянул Егор Звягин, двоюродный брат... Да-а.

А в уши сыпалось Валеркино:

— «...Дружно и разом напрягли медные груди и, почти не тронув копытами земли, превратились...»

Вдруг — с досады, что ли, со злости ли — Роман подумал: «А кого везут-то? Кони-то? Этого... Чичикова?» Роман даже привстал в изумлении... Прошёлся по горнице. Точно, Чичикова везут. Этого хмыря везут, который мёртвые души скупал, ездил по краю. Ёлкина мать!.. вот так троечка!

— Валерк! — позвал он. — А кто на тройке-то едет?

— Селифан.

— Селифан-то Селифан! То ж — кучер. А кого он везёт-то, Селифан-то?

— Чичикова.

— Так... Ну? А тут — Русь-тройка... А?

— Ну. И что?

— Как что? Как что?! Русь-тройка, всё гремит, всё заливаётся, а в тройке — прохиндей, шулер...

До Валерки всё никак не доходило — и что?

— Да как же?! — по-настоящему заволновался Роман, но спохватился, махнул рукой. — Учи. Задали, значит, учи. — И, чтоб не мешать сыну, вышел из горницы. А изумление всё нарастало. Вот так номер! Мчится, вдохновенная богом! — а везёт шулера. Это что же выходит? — не так ли и ты, Русь?.. Тьфу!..

Роман походил по прихожей комнате, покурил... Поделиться своей неожиданной странной догадкой не с кем. А очень захотелось поделиться с кем-нибудь. Тут же явный недосмотр! Мчмся-то мчмся, ёлки зелёные, а кого мчим? Можно же не так всё понять. Можно понять... Ну и ну! Роману прямо невтерпёж сделалось. Он вспомнил про школьного учителя Николая Степановича. Сходить?..

— Валерк! — заглянул Роман в горницу. — Николай Степаныч дома?

— Не знаю. А что? — испугался Валерка.

В.М. Шукшин родился 25 июля 1929 года в селе Сrostки Бийского района Алтайского края. Образ родного края всегда сопутствовал Шукшину, многие его рассказы посвящены Алтаю, его жителям, хранящим своеобразный говорок. Шёл военный 1943 год, когда будущий писатель окончил семилетку. Василий Шукшин учился в Автомобильном техникуме, работал на колхозе. В 1946 году он покинул родное село, по-горьковски отправился «в люди». Работал слесарем, строителем, повидал Москву и Рязань, Калугу и Владимир. В 1949 году был призван на срочную службу, на флот. Служил на Краснознаменном Балтийском, потом — на Черноморском. В 1953 году демобилизовался, вернулся в Сrostки, экстерном сдал экзамены на аттестат зрелости. Получив среднее образование, Шукшин становится учителем русского языка, литературы и истории в Стросткинской сельской школе. Одновременно он выполнял обязанности директора школы. Писатель не раз вспоминал о своём опыте педагогической работы: «Одно время я был учителем сельской школы для взрослых. Учителем я был, честно говоря, неважнецкий (без специального образования, без опыта), но не могу и теперь забыть, как хорошо, благодарно смотрели на меня нарабатывшиеся за день парни и девушки, когда мне удавалось рассказать им что-нибудь важное, интересное и интересное... Я любил их в такие минуты. И в глубине души не без гордости и счастья верил: вот теперь, в эти минуты, я делаю настоящее, хорошее дело. Жалко, мало у нас в жизни таких минут. Из них составляется счастье».

Летом 1954 года, во время каникул, Василий Макарович отправился в Москву — поступать в Институт кинематографии. Это было настоящее чудо, что паренёк из Стростков выдержал экзамены, выиграл в конкуренции с отличниками из лучших столичных школ. Вместе с Василием Шукшиным в мастерской классика мирового кино Михаила Ромма учились Андрей Тарковский и Андрон Михалков-Кончаловский... Михаил Ромм разглядел в Шукшине литературный талант, пришли первые публикации (1959 год, в журнале «Смена»), первые кинороли (фильм «Два Фёдора»), пришло признание. В 1955 году, студентом, Шукшин вступает в КПСС (будучи комсомольцем, он работал инструктором райкома). Дипломная кинокартина Шукшина — «Из Лебяжьего сообщают» — интересна тем, что выпускник ВГИКа выступил в ней в трёх ипостасях — режиссёра, автора сценария и актёра. Через четыре года на экраны страны вышел первый полнометражный фильм Шукшина-режиссёра — «Живёт такой парень». Фильм первенствовал на Венецианском фестивале детских и юношеских фильмов, получил приз Всесоюзного кинофестиваля. Но главной наградой стало признание публики: шукшинский парень Паша Колокольников уже сорок лет живёт своей жизнью на экране... В следующих фильмах — «Ваш сын и брат», «Странные люди», «Печки-лавочки», наконец, «Калина красная» —

Шукшину удалось создать цельный художественный мир, схваченный в необычном, присущем шукшинскому писательскому стилю, ракурсе. Василий Шукшин стал, пожалуй, единственным в нашей истории писателем, который ярко проявил себя и в актёрской профессии, создав удивительно жизненные, органичные образы наших современников. Вспомним его работы в прекрасных фильмах «У озера», «Комиссар», «Когда деревья были большими». Как трудно достичь подобной кажущейся простоты! Встреча Егора Прокудина — Шукшина с матерью из фильма «Калина красная» — одна из самых щемящих сцен в кинематографе... Неразрывная связь человека с родной землёй — это тема и «Калины красной», и фильма «Ваш сын и брат». Как водится, задумки В.М. Шукшина нередко приходили к зрителю, преодолевая нелёгкие препятствия. Судьба честного, искреннего художника не бывает гладкой. Но были в его режиссёрской биографии и призы фестивалей, и Государственная премия, и даже высшая награда Советского Союза — Ленинская премия, полученная в 1976 году посмертно... Последняя, прощальная роль актёра Василия Шукшина в фильме С.Ф. Бондарчука по роману М.А. Шолохова «Они сражались за Родину» была озвучена другим актёром... Василий Макарович умер во время съёмки, на теплоходе «Дунай». Роман «Я пришёл дать вам волю», посвящённый судьбе Стенки Разина, не успел выйти в свет при жизни писателя.

Мир детства занимает в творчестве Шукшина очень важное место. Первые главные кинороли Шукшина-актёра — в картинах «Два Фёдора» и «Мы, двое мужчин» — построены на взаимоотношениях взрослого человека и ребёнка. Писатель тонко чувствовал все грани этих отношений, в которых от любви до презрения, от ссоры до объятий, от смущения и стыда до собачьей преданности полшага... Стоит вспомнить такие, теперь уже классические, рассказы Василия Шукшина, как «И разыгрались же кони в поле» (помните — «Минька учился в Москве на артиста?») или «Микроскоп».

Писатель Василий Шукшин никогда не считал литературной добродетелью скучное умствование.

Шукшина интересует ищущий герой, герой, удивлённо познающий премудрости житья-бытья. Любознательный, пытливый русский ум, которому нужно сосчитать все звёзды на небе, — вот задушевный мотив Шукшина. Пожалуй, никто из писателей не представил нам такую обширную галерею народных энтузиастов науки и образования, озабоченных поисками смысла жизни, поисками справедливости. Таких героев принято называть шукшинскими чудиками — по названию одного из рассказов. Шукшин нередко окружает своих героев цитатами из песен, которые живут в народе, цитатами из Есенина, чья поэзия согрела многие сердца. Люди познают мир и радуются каждому новому открытию, поэтому сельский фельдшер в рассказе «Даёшь сердце!» палит из ружья

— Да ничего, учи. Сразу струсил... Чего боишься-то? Набе-докурил опять чего-нибудь?

— Никого не набедокурил. Чего ты?

— Он в район не собирался ехать?

— Не знаю.

Роман пошёл к учителю.

Николай Степаныч был дома, возился в сарае с каким-то хламом. Они с Романом были хорошо знакомы, учитель частенько просил механика насчёт машины съездить куда-нибудь.

— Здравствуйте, Николай Степаныч.

— Здравствуйте, Роман Константиныч! — Учитель отряхнул пыльные руки, вышел к двери сарая, к свету. — Потерял одну штуку... извозился весь.

— Николай Степаныч, — сразу приступил Роман к делу, — слушал я час сынишку... «Русь-тройку» учит...

— Так.

— И чего-то я подумал: вот летит тройка, все удивляются, любят, можно сказать, дорогу дают — Русь-тройка! Там прямо сравнивается. Другие державы дорогу дают...

— Так...

— А кто в тройке-то? — Роман пытливо уставился в глаза учителю. — Кто едет-то? Кому дорогу-то?..

Николай Степаныч пожал плечами.

— Чичиков едет...

— Так это Русь-то — Чичикова мчит? Это перед Чичиковым шапки все снимают?

Николай Степаныч засмеялся. Но Роман всё смотрел ему в глаза — пытливо и требовательно.

— Да нет, — сказал учитель, — при чём тут Чичиков?

— Ну, а как же? Тройке все дают дорогу, все расступаются...

— Русь сравнивается с тройкой, а не с Чичиковым. Здесь имеется... Здесь — движение, скорость, удалая езда — вот что Гоголь подчёркивает. При чём тут Чичиков?

— Так он же едет-то, Чичиков!

— Ну и что?

— Да как же? Я тогда не понимаю: Русь-тройка, так же, мол... А в тройке — шулер. Какая же тут гордость?

Николай Степаныч, в свою очередь, посмотрел на Романа... Усмехнулся.

— Как-то вы... не с того конца зашли.

— Да с какого ни зайдё — в тройке-то Чичиков. Ехай там, например... Стенька Разин, — всё понятно. А тут — ездил по краю...

— По губернии.

— Ну, по губернии. А может, Гоголь, так и имел в виду: подсуроплю, мол: пока догадаются, — меня уж живого не будет. А?

Николай Степаныч опять засмеялся.

— Как-то... неожиданно вы всё это поняли. Странный какой-то настрой... Чего вы?

— Да вот влетело в башку!..

— Всё просто, повторяю: Гоголь был захвачен движением, и пришла мысль о Руси, о её судьбе...

— Да это-то я понимаю.

— Ну, а что тогда? Лирическое отступление, конец первого тома... Он собирался второй писать. Чичикова он уже оставил — до второго тома...

— В тройке оставил-то, вот что меня... это... и заскребло-то. Как же так, едет мошеник, а... Нет, я понимаю, что тут можно объяснить: движение, скорость, удалая езда... Чёрт его знает вообще-то! Ведь и так тоже можно подумать, как я.

— Да подумали уже... чего ещё? Можно, конечно. Но это уже будет — за Гоголя. Он-то так не думал.

— Ну, его теперь не спросишь: думал он так или не думал? Да нет, даже не в этом дело: может, не думал. Но вот влетело же мне в голову!

— Надо сказать, что за всю мою педагогическую деятельность, сколько я ни сталкивался с этим отрывком, ни разу вот так вот не подумал. И ни от кого не слышал. — Николай Степаныч улыбнулся. — Вот ведь!.. И так можно, оказывается, понять. Нет, в этом, пожалуй, ничего странного нет... Вы сынишке-то сказали об этом?

— Нет. Ну, зачем я буду?..

— Не надо. А то... Не надо.

Роман достал папиросы, угостил учителя. Закурили.

— Чего потеряли-то? — спросил Роман.

— Да потерял одну штукенцию... штатив от фотоаппарата.

Хочу закат на цвет попробовать снять... Не закаты, а прямо пожары какие-то. И вот — потерял, забросил куда-то.

— Закаты теперь дивные, — сказал Роман. — А для чего штатив-то?

— А выдержку-то нужно большую давать. На руках же я не смогу.

— А-а, да. Весной почему-то закаты всегда красивые.

— Да. — Учитель посмотрел на Романа и опять невольно рассмеялся. — Чичиков, да?.. Странно, честное слово. Надо же додуматься!

Роман тоже усмехнулся, хотел было опять воскликнуть: «Ну, а кто едет-то?! Кто?» Но не стал. Несерьёзно всё это, в самом деле. Ребячество какое-то.

— А ведь сами небось учили?

— Учил! Помню прекрасно, как зубрил тоже... А через тридцать лет только дошло. — Роман покачал головой. Пожал руку учителю и пошёл домой.

Он — не то что успокоился, а махнул рукой и даже слегка пристыдил себя: «Делать нечего: бегаю, как дурак, волнуюсь — Чичикова везут или не Чичикова?»

И опять — как проклятие навалилось — подумал: «Везут-то Чичикова, какой же вопрос?»

— Тьфу! — Роман бросил окурки и полез опять за пачкой. — Вот наказание-то! Это ж надо так... забуксовать. Вот же зараза-то ещё — прилипла. Надо же!.. **НО**

в честь замечательного события в истории мировой медицины, хотя и живёт бесконечно далеко от респектабельных центров, где вершится эта история.

В рассказе, который мы предлагаем Вашему вниманию, три персонажа — отец, сын и учитель. Отец любил вместе с сыном вникать в учёбу, особенно — когда речь шла о родной литературе. «Тут мыслям было раздольно, вольно... Вспоминалась невозвратная молодость. Грустно становилось». И вот, когда сын Валерка зубрил знаменитое лирическое отступление из «Мёртвых душ» — то самое, про Тройку-Русь, пыливый ум отца разглядел в гоголевских образах неожиданную коллизию. Учитель в рассказе «Забуксовал» тоже очень необычный и человеческий. Психологическая ситуация рассказа «Забуксовал» хорошо известна каждому родителю и педагогу. Это урок неоднозначности классических образов, рассказ о том, как отец учится в школе вторично — вместе с сыном. Есть в рассказе и тайна, какая-то недосказанность, очень тонко намеченная писателем, — он даёт нам понять, сколько в жизни неразгаданного, как широки разбегающиеся в стороны горизонты.

Наследие Василия Шукшина поражает разнообразием. За свою короткую жизнь он написал несколько увесистых томов рассказов, романов, киносценариев и пьес для театра. В 1960 — 1980-е самым, пожалуй, значительным явлением в русской прозе было творчество писателей-деревенщиков, в своих произведениях совместивших достижения русской классической и модернистской литературы с фольклорным, национальным началом. В.М. Шукшин был одним из первых имён в этой талантливой плеяде. Кроме уже упомянутых нами произведений, назовём роман «Любовины», ставшие классическими рассказы «Миль пардон, мадам!», «Беседы при ясной луне», «Срезал», «Верую!», «Материнское сердце», «Земляки», «Чудик»... Высокий лиризм и нередко грустный юмор — это самые первые ассоциации, которые приходят в голову при мысли о благородном таланте Шукшина.

Искренним заветом для грядущих поколений звучат слова В.М. Шукшина — народного писателя России: «Русский народ за свою историю отобрал, сохранил, возвёл в степень уважения такие человеческие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совестливость, доброта. Мы из всех исторических катастроф вынесли и сохранили в чистоте великий русский язык, он передан нам нашими дедами и отцами. Уверуй, что всё было не зря: наши песни, наши сказки, наши неимоверной тяжести победы, наше страдание — не отдавай всего этого за понох табаку. Мы умели жить. Помни это. Будь человеком». Это — из учительской молодости, глубинное, заветное, шукшинское.

А. Замостьянов